

Можно ли обучить смеху?

— Борис, благодаря кому ты стал поэтом?

— Благодаря товарищу Сталину. Когда вождь умер, на меня нашло озарение, и я, неожиданно для себя и для окружающих, написал первое в своей жизни стихотворение: «В эти дни печальные слезы льются, как дождь. Умер товарищ Сталин, наш полководец и вождь».

Стихи оказались настолько хороши, что вундеркинда почти что на руках восторженные воспитатели детского сада отнесли в райком партии, а оттуда — прямо на траурный митинг.

С тех пор и пишу стихи, никак не могу остановиться. Спасибо товарищу Сталину за мое стихотворное детство!

— А играть на гитаре и петь песни кто тебя вдохновил?

— Ну, о моем музицировании ты мог бы деликатно умолчать. Впрочем, надо отдать мне должное, среди бардов занимаю довольно интересное место: играю на гитаре, правда, хуже, чем Сергей Никитин, но зато лучше, чем Александр Городницкий. В чем, конечно, большая заслуга Александра Городницкого, который вообще на гитаре играть не умеет.

— Так, может, подучиться надо?

— Я пробовал! И физфак Казанского университета окончил, и режиссерское отделение училища имени Щукина. Ничего не помогло! Видимо, на гитаре излишне много струн, за всеми не уследишь.

— Может, тебе стоило как раз остаться режиссером?

— Здесь огромную роль в моей жизни сыграл незабвенный Анатолий Васильевич Эфрос. Он мне с завистью сказал: «Боря, если бы я пел, как вы, я бы ни за что не стал заниматься режиссурой». А не прислушаться к такому гению, как Эфрос, это кем же надо быть? Я и прислушался!

— Как погляжу, ты от меня все отшучиваешься.

3 апреля Борису Львовичу — 50 лет. Популярность его уже в том, что широкие зрительские массы твердо знают: Львович — это не отчество, Львович — это просто у него фамилия такая. Но популярных у нас на эстраде хоть пруд пруди. Правда, невест чем наполненный.

Хотя вот в «разговорном жанре» из этого «пруда» уж с десятком-то классных мастеров выудить труда не составит. Но почти все подряд начисто лишены «добрého обаяния». Они не заметили, как от симпатиченькой критики «отдельных недосмотров» перешли к издевательствам над нашей сегодняшней трагедией.

У Бориса Львовича на эстраде светлая роль — ироничного, но доброго насмешника. Когда он выходит на сцену, в зале наступает уют души. Даже хамские реплики из зала, что тоже входит в репертуар зрителей, гасит, печально улыбнувшись. Он умеет развеселить, но умеет и сострадать. А уж последнее в нашем обществе, независимо от жанра и профессии, как бы выпало из обихода.

Когда я попросил Львовича принять меня для юбилейного собеседования, он стал безудержно хохотать: «Я ж не Жванецкий!». Все мы не Жванецкие! Но как еще Николай Васильевич Гоголь заметил: «Все мы вышли из шинели Жванецкого!». А вот куда вышли?

— Ну почему же, я добросовестно излагаю совершенно документальные факты из моей биографии.

— Что для тебя главное в твоей профессии? И только попробуй отшутиться!

— Ну, раз ты шуток не понимаешь, то скажу так. Для меня главное — принести людям веселье. Люди ведь приходят в зал каждый со своим отдельным горем, а смеются-то вместе. Вместе всегда легче. Огромная радость, когда зал мне подпевает. Вот тогда я не зря, значит, вышел на эстраду со своей скромненькой гитарой, со своим нескромным голосом и простым желанием порадовать людей.

— Ты столь нежно говоришь о зрителях. Так уж все в отношениях с ними безоблачно?

— Знаешь, любовь чревата многообразием. Рассказываю случаи из посторонней практики.

Замечательный композитор Вениамин Баснер возвращался по ночному Ленинграду домой. Его старенькие «Жигули» остановила компания подвыпивших морячков: «Папаша, отвези на Васильевский». Баснер вежливо объяснил, что ему не по пути. Морячки обиделись: «Ах ты, жидовская рожа!». Крепко обнялись и ушли в ночь, распевая во все горло «У незнакомого поселка, на безымянной высоте!». Композитор был счастлив!

— У тебя вышла очаровательная книга «Актерская курилка». Для некурящего человека совсем недурно. Над чем, дорогой мэтр, сейчас работаете?

— Мэтр сейчас работает над «Актерской курилкой-2». От актеров отбоя нет. Все рассказывают мне свои байки и умирают от хохота. А на меня обижаются, что я не всегда умираю вместе с ними.

— Все-таки чувство юмора — понятие не массовое?

— Понимаешь, отсутствие чувства юмора — необязательно признак отсутствия ума. Это просто болезнь такая. В городе, где я некогда жил и работал, был очень неплохой и неглупый начальник управления культуры. Как-то он меня вызывает и говорит: «Львович, они там, в обкоме, думают, что я — дурачок. Рассказывают анекдоты, а я не знаю, в каком месте надо смеяться».

И я по его просьбе дал ему несколько уроков. То есть рассказывал ему анекдот и объяснял, в каком месте, а, главное, почему надо смеяться. Человек хотел понять природу юмора. Что, согласишься, весьма неглупо.

— А как у тебя у самого с чувством юмора?

— Тоже, знаешь ли... Уж очень угрюмо отношусь к своему юбилею. Я, конечно, предполагал, что и 50 лет нагрянет. Но не так же быстро!

